

Киран Крамер
По велению сердца
Серия «Дом Брэди», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6737770
По велению сердца: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079034-0

Аннотация

Светский лев Финн Латтимор когда-то вскружил голову юной Марше Шервуд, обесчестил – и уехал, обвинив в разрыве старшего брата, графа Дункана.

Отныне в свете ей нет места, на замужество нечего и рассчитывать, и остается лишь один путь – стать учительницей в частной школе для девочек.

Однако через несколько лет Марша возвращается из добровольного изгнания в Лондон. Там она неожиданно встречает Дункана Латтимора – главного виновника ее невзгод.

Но почему граф упорно преследует девушку, ухаживает, привлекает ее внимание? Неужели он решил погубить бедняжку окончательно? А что, если этот негодяй на самом деле благородный и честный человек, влюбленный со всей силой страсти?...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Киран Крамер

По велению сердца

Роман

Глава 1

1814 год

В тот момент, когда пятнадцатилетняя леди Марша Шервуд, дочь маркиза и маркизы Брэди, встретила братьев Латтимор, для нее началась настоящая жизнь.

Когда первый из Латтиморов занял место в экипаже Брэди, ей пришлось покрепче стиснуть зубы, чтобы не ахнуть от изумления. Вот если бы ее школьные подружки могли взглянуть на него хоть глазком, тогда бы они точно поверили, что она встретила такого красавца.

– Я Финн, – сказал он. – Рад знакомству.

Молодой человек усмехнулся уголком губ, и в его глазах Марше почудился некий особый блеск.

Должно быть, он догадался. Должно быть, понял, что она считает его привлекательным. Или, быть может, он нашел привлекательной ее?

Ах Боже, неужели такое возможно?!

Кажется, жизнь принимала более интересный оборот. Братья должны были стать ее спутниками до Ливерпуля и дальше, через Ирландское море до самого Дублина. Там она воссоединится со своей семьей.

Марша улыбнулась, стараясь скрыть волнение, однако сердце билось, точно колокол.

– Я леди Марша Шервуд, – сообщила она, – но, пожалуйста, зовите меня просто Маршей.

Горничная толкнула ее в бок:

– Для вас – леди Марша, молодой человек.

Его костюм, сшитый у лучшего портного, сидел на нем замечательно. Марша задумалась: неужели такое совершенство возможно? Или это уже привычка – знать, что ты так ослепительно хорош собой?

– Отлично, – легко согласился он, – разумеется!

И улыбнулся ей так, словно хотел сказать: «Я буду звать вас Маршей без посторонних».

Она уже обожала его.

По его лицу скользнула тень, когда в карете появился еще один молодой человек, столь же высокого роста, но более крепкого сложения, определенно старше и Марши, и Финна. Ей пришлось сдвинуть колени в сторону; иначе было слишком мало места, чтобы он смог как следует устроиться. Оказавшись напротив нее, он тут же взглянул ей прямо в лицо.

Он тоже был хорош – на свой лад, но ему не доставало шарма. Или, как бы она выразилась, очевидного восторга от всего окружающего, который младший брат просто излучал. Действительно, сурово сдвинутые брови наводили на мысль, что он был уже чем-то недоволен, хотя путешествие еще толком не началось. То самое восхитительное, сулящее приключение путешествие, о котором она мечтала целую вечность.

– Доброе утро. – Граф невозмутимо окинул взглядом Маршу и ее горничную. – Я лорд Чедвик, – бросил он скучающим тоном, как будто им следовало благодарить его за то, что он вообще удостоил их разговором.

– Доброе утро, – чопорно промолвила Марша.

Нет, он ей не понравился. Ей вдруг сделалось жарко и неудобно, и в этом, конечно, был виноват он.

Горничная улыбнулась графу. Марша могла бы поклясться, что та была польщена. Ее удостоили приветствием, хотя она всего-навсего прислуга. Марша не собиралась воздавать ему хвалу. Сейчас он казался ей просто отталкивающим.

Карета покатила вперед.

Лорд Чедвик, склонив к ней голову, произнес:

– Должно быть, вы леди Марша Шервуд.

Это прозвучало как утверждение, а не как вопрос. И сказал он это так, будто ему было в высшей степени безразлично, кто она такая.

– Действительно, вы правы. – Марша заставила себя улыбнуться. В конце концов, она благовоспитанная леди с безупречными манерами.

– Я много слышал о вашей семье. – Сердечный, но какой холодный тон! Словно графу приходится разыгрывать учтивость, но не более того.

«Что бы сделала мама?» – задумалась Марша.

Она непременно сказала бы какой-нибудь комплимент – кстати, вполне искренне, – чтобы расположить к себе собеседника.

– Я и моя семья очень благодарны, что вы согласились сопровождать нас до самого Дублина, в столь неблизком и опасном пути. – Она приветливо улыбнулась.

Его рассеянный взгляд не изменился.

– Пустяки.

– Разумеется, что здесь такого? – вмешался мистер Латтимор в своей участливой манере. Вознагради его Господь! Да он просто рыцарь в сияющих доспехах, сидящий рядом с оруженосцем! – Почему бы не путешествовать вместе? Мы и сами едем на свадьбу.

Старший брат не удостоил его внимания.

– Насколько я понимаю, ваша семья уже устроилась в своем ирландском поместье? – спросил он у Марши.

Бедный мистер Латтимор. С ним обращаются так, будто он... пустое место. Разумеется, ее старший брат Грегори третировал Питера, а тот, в свою очередь, Роберта. Однако скверно, должно быть, чувствовать себя униженным. Марша была уверена, что лорд Чедвик в роли брата просто невыносим. Куда до него ее собственным братьям!

– Леди Марша? – настаивал лорд Чедвик.

– Ах да. Должно быть, вы имеете в виду Бэллибрук.

«Такой зелени ты нигде не видывал, папочка!» – Марша произнесла последнюю фразу на гэльский манер. – Мама удаляется туда, когда заканчивается парламентская сессия. А так всем вполне удобно в доме на Гросвенор-сквер в Лондоне. Жизнь там беспокойная, но они говорят, что берут все лучшее, что есть в обоих мирах. Один зеленый и спокойный – а другой покрытый копотью. И все равно ужасно элегантный.

В глазах лорда Чедвика что-то блеснуло. Неужели развеселился? Если так, что тут смешного? Марша почувствовала, что в ее груди вскипает возмущение, но, разумеется, она не должна была этого обнаруживать.

Тогда она обернулась к мистеру Латтимору, с удовольствием отметив, что он и не думал насмеяться. Похоже, все понял правильно. Огромные янтарного цвета глаза смотрели на нее с нескрываемой симпатией, и она ответила ему самым сердечным взглядом, насколько это было допустимо.

Она заставляла себя смотреть на графа, в то время как мистеру Латтимору приходилось сидеть с ним рядом. Еще неизвестно, кому было хуже.

– В ее словах есть смысл. – Мистер Латтимор толкнул брата локтем. – Мы тоже можем взять все лучшее, что есть в обоих мирах, – теперь, когда ты получил титул. Зачем торчать в Кенте, когда можно жить в Лондоне?

– Затем, что кентское поместье требует немалых забот. – Судя по тону, лорд Чедвик был явно раздражен. – И я не готов занять свое место в парламенте. Пока не готов. Мне предстоит прочитать уйму книг по самым разным вопросам. А копоть Лондона меня несколько смущает.

– Дело не в этом, – театральным шепотом сообщил мистер Латтимор ей на ухо. – Мой брат думает, что в Лондоне слишком много соблазнов. А для него существует только долг.

– Как следовало бы думать и тебе, – пробурчал лорд Чедвик, глядя в окно.

Горничная на миг перестала стучать спицами.

– Что ж, отлично! – живо воскликнула Марша, и спицы горничной снова засверкали, точно молнии, подхватывая и вплетая в вязанье шерстяную нить. – Нам предстоит вместе проделать неблизкий путь, не так ли?

– Действительно, – отозвался граф сухо, оторвал взгляд от окна, чтобы бегло посмотреть на Маршу. Затем извлек из кармана небольшую книгу. – Если позволите, время в пути я потрачу на чтение.

– Как вам будет угодно, – учтиво промолвила она.

Мать была бы довольна – как невозмутимо ее дочь держит себя перед таким грубияном! Или просто он слишком взрослый?

В названии книги было что-то про политику и войну. Лорд Чедвик немедленно погрузился в чтение.

Марша обменялась мимолетным веселым взглядом с мистером Латтимором. Граф отмахнулся от них, будто они совсем еще дети. Вот как!

Эта мысль ее уязвила, хотя виду она не подала. Неужели он не заметит, что его младший брат уже далеко не дитя? А она, Марша, – юная леди?

Она неглупа, умеет поддерживать взрослый разговор. Разумеется, тема войны или политики ее нисколько не привлекают. Разве что политики в мире моды. Целые партии складываются по таким важным вопросам, как шляпки, ленты, фасоны рукавов. Хотя, если нужно, она могла бы поговорить и о войне тоже.

Лорд Чедвик перевернул страницу своей книги. Спицы горничной сверкали и шелкали. Мистер Латтимор насмешливо сдвинул брови и скосил взгляд на брата.

Марша едва не захихикала. Разумеется, она уже слишком взрослая, чтобы хихикать. Но мистер Латтимор – о, он был просто душка. Он будил в ней желание проказничать.

Лорд Чедвик поднял взгляд, невозмутимый, но почему-то внушающий некоторую робость. Когда он вернулся к чтению, в прекрасных глазах мистера Латтимора явно читалось облегчение.

«Как я вам сочувствую», – ответила она ему взглядом.

«Мы не допустим, чтобы он испортил нам всю поездку», – прочла она в его глазах.

Между ними росло понимание. Уголки его губ приподнялись совсем чуть-чуть – это была тайная улыбка, предназначенная только ей. Он наклонился вперед, и спицы востроглазой горничной защелкали в угрожающей близости. Если она захочет, может ткнуть его в ногу или руку, невпопад подумала Марша.

К счастью, мистеру Латтимору мысль о неминуемой опасности не приходила в голову. А если бы даже пришла, он бы, наверное, прогнал ее прочь. Этого молодого человека не так легко запугать.

– Отличная погода для путешествия, – шепнул он ей.

Его голос был как ласка.

– Да, – шепнула она в ответ.

Однако хорошая погода продержалась недолго. По пути в Ливерпуль их карета лишилась колеса, прямо в разгар ужасной грозы и проливного дождя. К счастью, они находились недалеко от городка, где был рынок, и лорд Чедвик отправился туда пешком вместе с кучером, чтобы достать новое колесо. Но после разразился новый ливень, настоящий потоп, и им пришлось прервать путешествие на несколько дней.

Когда путешественникам наконец удалось погрузиться на пакетбот до Ирландии, Марша уже была без ума от Финниана – она звала его Финн. Как еще описать то, что она испытывала впервые в жизни? Радостное предчувствие? Тоска? Или немалое смущение?

Но главным образом это была радость. Или скорее тут годилось слово «блаженство». Блаженство и мука. Какая же это была мука! Однако мучения ее были столь сладостны, как бы это ни казалось какой-то бессмыслицей.

Боже правый, ей нужна помощь! Не могла же она рассказать матери о том, что происходит. Это было слишком сокровенное.

Было бы чудесно, если бы Дженис стала ее поверенной! Но с ней на свадьбе будут две ее подружки детства. И Дженис, и Марша будут заняты празднествами – а ведь ей нужен долгий, душевный разговор с сестрой, чтобы объяснить, что чувствуешь, когда влюбляешься. Об этом не расскажешь на ходу, между делом.

Разумеется, были еще и школьные подружки – она могла бы им написать. Наверняка они будут читать ее историю, затаив дыхание. Но можно ли чувствовать себя в безопасности, доверив свои секреты посланию, которое, возможно, пройдет через множество рук? Что, если письмо прочтет ее одноклассница Лизандра? Эта девица и две ее глупые приспешницы, которых она сумела рекрутировать среди учениц, наверняка сделают из нее посмешище. Страшно даже вообразить.

На пакетботе она заметила нескольких молодых леди одного с ней возраста. Можно, конечно, с ними подружиться. Но кто захочет доверять тайну своей страсти тому, с кем только что познакомился?

Разумеется, с Финном она тоже познакомилась совсем недавно, но это совсем другое! Они уже столько пережили вместе. Он ей не чужой, вовсе нет. Когда день за днем едешь в одной карете – это очень сближает!

У нее потеплело на сердце. Стоя на носу корабля, штурмующего морскую волну, она вдруг поняла – не нужны ей ни советы ее дорогих и близких, ни дружеское плечо, как бы ни любила она их!

Просто она не может жить без Финна.

Это было поразительное и радостное открытие, и она сохранит его только для себя, глядя на море и бескрайний горизонт, над которым уже нависло огромное закатное солнце. Жизнь стала такой всеобъемлющей – она даже представить не могла, что так бывает.

– Вот вы где. – Низкий, мрачный и уже такой знакомый голос Дункана Латтимора, графа Чедвика, бесцеремонно перебил течение мыслей Марши. Он вышел на бак и встал слева от нее.

Марша была поражена. С чего это вдруг ему заблагорассудилось заговорить с ней? Всю поездку он сидел молча, не делая попыток завести беседу. Разве что за столом – ну, тогда он был вынужден вести беседу. В один из вечеров за обедом в уважаемой гостинице он начал спрашивать нескольких молодых леди, ближе к нему по возрасту, что им нравится делать – например, какие книги они любят читать, – но ей он ни разу не задал ни единого вопроса.

«Слишком важная персона, чтобы замечать друзей младшего брата», – так ей сказал Финн. Вот что получается, если в юном возрасте унаследовать титул, состояние и поместья.

Но возможно, ей следует дать графу еще один шанс?

– Здравствуйте, лорд Чедвик, – сказала она, стараясь почувствовать к нему благорасположение. В конце концов, в тот день их путешествия, когда сломалось колесо, ему пришлось брести сквозь дождь и грязь до ближайшей деревни за помощью!

– Вы видели моего брата? – спросил он без всяких предисловий.

Ее дружеское расположение тотчас начало таять.

– Нет, – ответила она. – Но я надеюсь, что он весьма скоро появится на палубе.

«Надеюсь» – очень бледное выражение. «От всего сердца уповаю» – это намного точнее.

– Его нет в нашей каюте, – сухо, как всегда, сообщил лорд Чедвик. Как будто у него были дела поважнее, чем разговаривать с Маршей.

Он вмиг стал ей неприятен. Неужели он не видит хотя бы, как красиво море, просто дух захватывает от благоговения. Что на ней хорошенькая шляпка, которую следовало бы похвалить. И что она так искусно умеет поддержать беседу, хотя он не дал ей ни одного шанса эту беседу затеять.

– Мне неизвестно, где мистер Латтимор, – призналась она. – Но если я его увижу, то непременно передам, что вы его разыскиваете.

– Очень хорошо, – сказал он, но, кажется, покидать ее не собирался.

Наверное, он задержался, потому что они стояли на носу корабля, склонившись над перилами, в этот чудесный миг, когда сумерки над морем вдруг сменяются ночью. Самое место, чтобы выказать силу и стойкость духа; самое время, чтобы держаться вместе перед лицом бескрайнего океана и неминуемого мрака ночи, обмениваясь признаниями, которым иначе не прозвучать.

Впрочем, Марша вовсе не чувствовала потребности довериться лорду Чедвику. Ни малейшего желания искать у него утешения или поддержки, ни любопытства узнать о нем побольше – узнать его лучше, чем до сих пор.

Но шли секунды тишины, волна росла, и ветер становился все резче – и Марша вдруг преисполнилась силы и решимости, как силы стихии.

– Я вам не нравлюсь, не так ли? – выпалила она. – Я просто глупая девчонка, которая увлеклась вашим братом...

Порыв ветра взъерошил прядь темных волос лорда Чедвика.

– Увлеклась?

Марша отметила, что он красив. Да, красив, но это не бросалось в глаза. Иное дело – златокудрый Финн; ему вслед поворачивались все женские головы в любой пивной, стоило ему там появиться. На любой улице, где бы он ни прогуливался.

Марша вздернула подбородок.

– Вы, несомненно, заметили, что мы все время проводим вместе?

– Разумеется, заметил. Мы все заметили, вам не кажется?

Они смотрели, как гребень волны разбивается тысячей пенных брызг, затем еще один и еще.

– Правда, – признала она.

– Только помните – вы не должны привязываться к нему слишком сильно, – заметил граф в своей безразличной манере.

Она вцепилась в поручни перил, отчетливо сознавая, что он не соизволил ответить на первый ее вопрос. Не то чтобы ее так уж волновало, нравится она ему или нет. Но его замечание вызвало у нее приступ раздражения и даже страха.

– Что вы хотите сказать? – Она проговорила это деланно-безразличным тоном, но в душе у нее все кипело.

– У моего брата есть определенные обязанности. – Граф смотрел куда-то за горизонт. – Он иногда забывает, что его дело – стать мужчиной, а не оттачивать на вас искусство флирта.

Сказанное подразумевало, что Марша – всего лишь очередная девица, павшая жертвой чар Финна.

Оскорбление было брошено ей в лицо как раз в тот момент, когда шальная волна ударила в корпус корабля, подняв фонтан брызг. Но Марше было все равно, что струи соленой воды текут по щекам; она вообще вряд ли заметила их. Ее душа бурлила от гнева и желания поставить этого наглеца на место.

– Вы грубы. – Ветер унес ее слова в открытое море, и она почувствовала вдруг такое отчаяние, что даже придвинулась ближе к графу, чтобы заставить его наконец повернуть к ней голову. – Вы грубите мне с той самой минуты, как мы впервые встретились. Отчего? Что я вам такого сделала?

– Я? Груб с вами? – На лице графа явно читалось недоумение.

– Вы со мной не разговариваете!

Он издал короткий смешок.

– Вам только пятнадцать.

– Почти шестнадцать, – сообщила она. – И так вышло, что я знаю, как поддержать хороший разговор. Не только это; еще я дружна с вашим младшим братом.

– Леди Марша, – начал граф ледяным тоном, – я человек занятой. Мне есть о чем подумать. И – да, я заметил, что вы флиртуете с Финном; разумеется, его внимания достаточно, чтобы вас занять.

– Это не просто флирт. – Она слышала, как дрогнул ее голос, и замерла в ужасе. – И я не испорченный ребенок, который требует к себе внимания. Обычная учтивость – вот и все, о чем я прошу. Да еще уважение.

Глубоко вздохнув, лорд Чедвик взглянул Марше прямо в лицо.

– Очевидно, я разочаровал вас, за что прошу прощения. Но у меня нет желания вступать с вами в спор ни в этот вечер, ни в какой-либо другой. – Повернувшись, он зашагал прочь по пустой палубе.

Был час ужина, но у нее совсем не было аппетита. Уже много дней ей совсем не хотелось тратить время на еду. Любовь владела ею, все прочее не существовало.

Девушка схватилась за поручень – палуба уходила из-под ног.

– Вы ошибаетесь насчет меня и Финна! – закричала она вслед графу. – Но вам этого не понять, ясно? – Она знала, что не следует ей говорить столь шокирующие слова. Но кажется, остановиться была уже не в силах. – Потому что вы так много упустили в жизни! Вы читаете книги, вместо того чтобы лучше узнать людей, которые сидят в карете рядом с вами!

Лорд Чедвик остановился и обернулся к ней. Его лицо оставалось непроницаемым.

– Вы рано уходите к себе в каюту, – продолжала она бесстрашно, – и там принимаетесь разбирать счета, вместо того чтобы задержаться подольше и рассказать у камина какую-нибудь историю. А вот сейчас вы, кажется, не замечаете, как красив закат, просто дух захватывает! Однажды вы пожалеете о своем высокомерии. И я однажды докажу вам, что есть на свете такая вещь, как идеальная любовь!

Он взглянул поверх перил туда, где пламенел закат, красный как кровь, а затем вновь на Маршу.

– Не бывает ни идеальной любви, ни идеальной жизни, – сказал он, сумрачно глядя ей прямо в глаза. – Итак, оставьте напрасные мечты. Будет печально видеть, если вам причинят боль. Доброго вечера, леди Марша.

И снова зашагал прочь.

Ох, если бы можно было выбросить его за борт!

Слава Богу, через несколько минут на носу появился Финн.

– Что случилось?

Ей сразу же стало легче.

– Ваш брат – он пытался...

– Пытался – что?

Она видела тревогу в его глазах и от этого любила его еще больше.

– Он пытался предостеречь меня от вас. Сказал... сказал, что вы упражняетесь в искусстве флирта, вместо того чтобы заняться своими обязанностями.

Он привлек ее в объятия, и ее гнев немного остыл. Она мечтала об этой минуте.

– Какой бы мужчина не потерял из-за вас голову? – сказал он, дыша ей в волосы. – И не отложил бы работу ради вас?

– Вы очень любезны, – ответила она, не высвобождаясь из его объятий.

– Это не любезность, это правда. – Он отстранился, чтобы посмотреть на нее. На плечах, которые только что обнимали его руки, кожа горела, точно в огне. – Мне так жаль, что Дункан был с вами груб.

Спускалась ночь. Никто не мог их видеть. Поразительно, как легко на таком маленьком судне можно было найти уединение!

– Если такова цена за то, что мы это сделали, – она опустила голову ему на грудь, – тогда, надеюсь, что он нагрубит мне еще раз.

– Марша, – прошептал Финн.

– Финн, – шепнула она в ответ и закрыла глаза. Как отрадно было сознавать, что она может и слышать, и чувствовать, как бьется его сердце.

Отстранившись, он приподнял ее подбородок.

– Не знаю, как же это случилось, да столь быстро?

– И я не знаю. – В его глазах она видела беспокойный огонек, тот же самый, что видела в глазах мальчишек и мужчин в деревне в графстве Суррей, да и в Лондоне, и в Брайтоне, куда ездила на школьную экскурсию. Этот огонек уже не был для нее загадкой. Она знала, что это желание.

Но и она хотела его не меньше. Хотела, чтобы он обнимал, чтобы целовал ее.

«Прошу тебя», – подумала Марша.

– Я в вас влюбляюсь, – прошептал он хрипло.

– А я – в вас, – сказала она.

Она уже успела в него влюбиться. Финн стал для нее всем. Вот только его брат советовал ей быть с ним осторожнее. Сказал и ушел, словно Марша была досадным недоразумением, от которого не терпится отделаться.

Очевидно, Дункану Латтимору нравилось все портить. Но она не позволит ему испортить этот сладкий миг.

Парус наполнился ветром и выгнулся дугой, скрыв их с Финнианом от посторонних глаз. Она осторожно погладила его по лицу. И он охотно опустил щеку в ее ладонь, потерся об нее, да с такой нежностью, что у нее защипало в глазах. А затем он заставил ее опустить руку, стиснул в своей и поцеловал Маршу.

Это был момент совершенного счастья. Столь совершенного, что она поняла – любовь рядом, лишь руку протяни.

– Я должен видеть вас как можно чаще, – сказал Финн, как будто она была величайшим сокровищем на свете.

– Скоро я закончу школу, – сообщила она без всяких предисловий. – И я должна быть в Лондоне. Возле вас.

– Да. Я люблю Лондон. Гораздо больше, чем поместье в Кенте. Или Оксфорд. – Он снова ее поцеловал, медленно, властно, словно скрепляя печатью обещание, которое они дали друг другу.

На сей раз его рука почти коснулась ее груди, и девушка испуганно замерла.

Ей вдруг вспомнились слова, которые она бросила, точно перчатку, в лицо лорда Чедвику: «Однажды я докажу вам, что есть на свете такая штука, как идеальная любовь!»

Марша знала – именно так может быть у нее с Финном.

И это было так. Уже.

Две недели в Дублине закружили ее, точно в водовороте. Каждую минуту, когда только было возможно, Марша проводила с Финном. Сестра Дженис совершенно не замечала ее сильной склонности к нему, сама всецело поглощенная удовольствием быть в Дублине с двумя старшими и любимыми подругами.

И вот наступил вечер шестнадцатого дня рождения Марши.

В южном пригороде Дублина родители сняли особняк с чудесной оранжереей. И уже после того, как остальные члены семьи давно отправились на покой, Марша и Финн лежали в объятиях друг друга, глядя сквозь стеклянный потолок на звезды, которые едва проглядывали – «Но все-таки они здесь», – как настаивал Финн, – сквозь облака.

– В Шотландии, чтобы выйти замуж, нужно, чтобы вам исполнилось всего шестнадцать, – прошептал он, дыша ей в волосы.

Ее сердце, кажется, перестало биться.

– Правда?

– Да, – ответил он и погладил ее по бедру. – Когда мы вернемся в Англию, тотчас убежим. В Гретна-Грин!

– Да, – прошептала она, крепко прижимаясь к нему. Вдруг она показалась себе такой маленькой!

Она истинная, их любовь. Все без подделки, совсем настоящее. Почти все время Марша принимала свою любовь храбро и с величайшей радостью, как танцующее в воздухе перышко, а сейчас ей открылась всепоглощающая сила, грозящая унести далеко-далеко, в неведомые дали.

– Не бойтесь, – прошептал он и поцеловал ее, и нежным было соприкосновение их губ.

Нет. Она не будет бояться.

Он распустил шнуровку на спине, осторожно спустил рукава и корсаж платья, шепча милые глупости ей на ухо.

В ту ночь Марша позволила любви унести себя туда, куда должно. Она отдала Финну все. Все!

Их совокупление в темноте вышло неловким. Быстрым. Оба очень боялись быть застигнутыми на месте преступления. А потом, к величайшему удивлению Марши, появилась боль. И кровь!

Новое смущение и неловкость.

Но не в обычае Финна было обращать внимание на неприятности.

Потом она кое-как привела себя в порядок, потому что пальцы дрожали, и он снова привлек ее к себе.

– Отлично, – сказал он с долгим вздохом.

Несколько секунд она ждала. Они отдались друг другу. Это был великий и торжественный момент. Но Финн так и не заговорил, и она поняла, что ее возлюбленный, возможно, просто боится. Рядом были спальни ее отца и матери, а также братьев и сестер. Если их обнаружат, ему это дорого обойдется.

– Я вас люблю, – приободрила она его, утыкаясь в него носом. – Вы тот самый единственный мужчина, которого я буду любить всю жизнь.

Некоторое время он гладил ее по голове.

– Мы чудесно подходим друг другу, – сказал он наконец. – Больше, чем чудесно. – И он поцеловал ее макушку.

– Мы идеальная пара, – вздохнула она и с улыбкой взглянула ему в лицо.

Улыбнувшись в ответ, он снова ее поцеловал – долгим, томительным поцелуем – и рывком поднял на ноги с ужасно неудобного ложа, которое они соорудили из диванных подушек.

– А теперь я должен идти, – сказал он. Судя по голосу, он сильно нервничал. Так она и предполагала! – Нельзя, чтобы нас обнаружили.

– Знаю. – Она прильнула к нему. – Но мне жаль, что вы вынуждены уйти.

Это была их последняя ночь вместе. Завтра ей предстояло отправиться в Бэллибрук, а ему с лордом Чедвиком ехать в Корк, навестить друзей, а потом сесть на корабль и переправиться через Ирландское море назад, в Англию.

Но очень скоро они снова будут вместе – навеки.

– Где и когда мы встретимся, чтобы бежать в Гретна-Грин? – спросила она.

– Когда вернусь в Англию, все спланирую и напишу вам письмо. – Он ущипнул ее за щеку. – Глупышка. – И рассмеялся.

Она тоже засмеялась. Просто не смогла удержаться. Видеть его смеющимся – это делало ее самой счастливой женщиной в мире.

Счастье переполняло ее, когда занялся рассвет, серый и холодный. Марше казалось, что сквозь нее течет река, медленная, ленивая, чудесная. Река любви.

Любимый, любимый, любимый!

Она улыбалась в потолок и чмокала губами, вспоминая, как ее целовал Финн. Провела рукой по животу и ниже. Он здесь был. Он был везде! Теперь Финн стал ее частью.

Потом ее глаза застлали слезы – Марша вспомнила, что не увидит его сегодня. Она не увидит любимого целые долгие недели! Марша осталась в своей спальне, сославшись на головную боль – совершенно несчастная, готовая накричать на любого, кто осмелится с ней заговорить. Она даже надеялась, что это произойдет, потому что тогда можно будет кричать, а потом плакать в открытую, и все подумают, что это оттого, что она жалеет о собственной злой выходке. Но плакать-то она будет совсем по другой причине. О нет! Марша будет плакать, потому что не может быть там, где сейчас Финн.

Она была занята сборами к предстоящему отъезду в Бэллибрук. Можно подумать, ей было интересно, что папа выстроил там новое крыло! Но тут принесли записку от Финна.

Финн, Финн. Финн!

Ей хотелось обнять слугу, который принес ей хрустящий конверт. Она понюхала бумагу – это был его запах. Мир снова наполнился солнечным светом.

Она прижала письмо к сердцу и уселась за туалетным столиком, упиваясь сознанием, что принадлежит Финну и что получила наконец весточку от возлюбленного.

Это наверняка любовное послание, которое поможет ей пережить трудное время, пока она не вернется в Суррей, в школу. Письмо, которое она станет хранить под подушкой. И вероятно, в письме он пишет, когда они снова... смогут быть вместе. Наверное, у него уже созрел план! Когда-то еще будет Гретна. Подумав о том, как рискуют они оба, Марша почувствовала, как по коже ползут мурашки.

И она пришла к выводу, что любовь – удовольствие не для слабых сердцем.

Закончив читать письмо, Марша уставилась на собственное отражение в зеркале. На нее смотрела женщина, в которую она превратилась прошлой ночью. Всего минуту назад эта женщина сияла от счастья и ее сердце переполняла радость. А та особа, что взирала сейчас из зеркала на Маршу, напоминала собой пустую жемчужную раковину.

Финн сообщил, что сражен неприятным известием. Не вернется он в Англию, о нет! Ему предстоит отправиться из Ирландии в Америку – так распорядился старший брат.

В письме было написано:

Он отсылает меня в Виргинию, чтобы я учился вести хозяйство и управлять нашими поместьями. Но я знаю истинную причину того, почему меня отсылают: он хочет нас разлучить.

На месте подписи красовалось чернильное пятно, словно он не успел подписаться – можно подумать, брат стоял в дверях спальни с открытым чемоданом наготове, отдавая приказания Финну: «Бросай сюда брюки, бросай галстуки!»

Это было первое и последнее письмо, которое Марша от него получила.

Глава 2

1819 год

Дункан остановился как вкопанный на лондонском тротуаре. Она! На другой стороне улицы, в окне модного магазина. Его девочка с корабля.

Леди Марша Шервуд.

Поразительно, как интуиция сработала на ее присутствие где-то поблизости. Только что обсуждал с кузеном достоинства новых хлебных законов, и вот, пожалуйста, – мысли спутались.

– Извините, Ричард.

Ричард, следующий после Финна претендент на графский титул, тоже остановился:

– В чем дело?

Дункан был поражен. Девушка, которая когда-то была просто милой и хорошенькой, расцвела и превратилась в поразительно красивую женщину. Вот чудесный сюрприз.

– Я ее знаю, – сказал он, пытаясь получше рассмотреть женщину, которая в один из самых памятных моментов его прошлого обрушила ему на голову целый словесный поток. Что там слова – девушка была подобна урагану в открытом море, и это в нежном пятнадцатилетнем возрасте.

– Это леди Марша Шервуд? – Ричард вытянул шею, чтобы лучше видеть. – Дочка ирландского пэра, эта таинственная красавица?

– Да. – Внезапно Дункану ужасно захотелось с ней поговорить. Девочка стала женщиной. Возлюбленная стала... нелюбимой.

Ах, это было так давно! Несомненно, сердце девочки-школьницы оправилось от раны, которую нанес Финн, решив покинуть Ирландию ради Америки на целый год раньше, чем Дункан планировал его туда отослать. Намеренно сбежал – ни больше ни меньше. Теперь Дункан это знал. И леди Марша, и все прочие молодые женщины только выиграют, если его очаровательный златовласый братец уедет подальше от Англии – даже если они об этом не подозревают. Их сердца не окажутся разбитыми...

Разумеется, с тех пор у нее случались романтические увлечения, их и не счесть. Красота, высокое положение в обществе, богатство – и страстность природы. Наверное, один из лондонских денди уже убедил ее выйти за него замуж. Откуда ему знать? До недавних пор он избегал бывать в столице, предпочитая расчищать авгиевы конюшни – результат безалаберного отцовского хозяйствования в их поместье в графстве Кент.

– Хелен говорит, что она теперь школьная учительница, где-то в Суррее. – Ричард сдвинул брови. – Но я, может быть, ошибаюсь. То есть Хелен ошибается. Ее чутье на сплетни стало давать осечку, не то что раньше.

– Так и бывает, если женщина занята хлопотами в ожидании ребенка, – улыбнулся Дункан. – Мы с Джо предполагаем ее вскоре навестить. С букетом и коробкой ее любимых шоколадных конфет. Он думает, если ее подкупить шоколадом и цветами, она наверняка родит мальчика.

– Ему было бы кстати, – сказал с улыбкой Ричард. – Да и мне тоже.

Хорошо, когда у человека есть семья, готовая поддержать его в любых обстоятельствах. Так думал Дункан, приступая к активным действиям – то есть сошел на оживленную мостовую с риском для жизни или собственных рук и ног, которым угрожали два несущихся сломя голову экипажа. Что ж, нужно было перейти на противоположную сторону улицы. То, чем Ричард одаривал его с беспредельной преданностью, Дункан поклялся передавать собственному брату, который был сейчас далеко-далеко. Да как это сделать? Финн редко писал ему,

а уж если писал, то лишь затем, чтобы выпросить денег. Ни разу он не поинтересовался, как идут дела у брата по эту сторону Атлантики.

Дункан обошел стайку мальчишек, столпившихся вокруг черно-белого пса, выделяющего трюки, и открыл дверь модного магазина мадам Перо.

Леди Марша взглянула на него поверх тюка материи. Увидев его, мгновенно залилась краской.

Их глаза встретились, и его пронзила боль. Ностальгия! Несомненно, все дело в ней. Она напомнила ему о тех трудных днях, когда он только что получил титул и обязанности графа. Тогда казалось, что на его плечи обрушилась вся тяжесть этого мира.

Леди Марша была ярким пятном его воспоминаний, разве нет? Дункан понял это лишь сейчас. Пряди золотых, как солнце, волос, а под ними живые глаза цвета средиземноморской волны.

Она была точно сияющий летний полдень.

Ее простое платье, какое не встретишь на светской леди столь высокого положения, не отвлекало внимания от ее красоты, хотя он не мог не отметить, что при всей своей скромности наряд был сшит по последней моде. Та девушка из прошлого, на свадьбе в Дублине, одевалась модно, с таким изяществом и роскошью, что подружки-ровесницы порхали вокруг нее, словно она была королева фей, а они – ее служанки.

Теперь же на шелковой шляпке не было ни оборок, ни цветов. Платье отличал прекрасный крой, но его неопределенный соломенный цвет несколько не соответствовал нежному румянцу личика «английской розы». Поверх платья на девушке был спенсер, застегнутый по самую шею, и Дункан был готов спорить, что именно этот спенсер она вешала на крючок у двери черного хода на случай, если придется быстро накинуть его, чтобы сбежать на огород.

– Добрый день, – начал он, приподнимая шляпу.

– Прошу прощения, – сказала она, не давая ему закончить фразу, и попятилась, чуть не опрокинув портновский манекен.

Манекен угрожающе наклонился, и она схватила его дрожащими руками, чтобы поставить прямо.

Он мог бы поклясться, что Марша выругалась сквозь зубы. Но она быстро пришла в себя, подхватила юбки и решительно направилась к выходу из магазина, взглянув на него украдкой.

Дункан сохранял невозмутимое выражение лица, но приходится признать – ей всегда удавалось его рассмешить. И дело не в манекене, а вообще в манере себя вести. Она всегда была настоящей, даже если бы попыталась казаться фальшивой. И это ему в ней очень нравилось.

В ее глазах блеснуло нечто, весьма смахивающее на досаду, когда она распахнула дверь и выскочила на улицу.

Он вернул шляпу на место и пошел за ней, не обращая внимания на трех модно одетых дам, посетительниц магазина, которые наблюдали за ними с нескрываемым любопытством.

– Леди Марша! – крикнул он на всю улицу, как десятилетний мальчишка, который зовет подружку поиграть.

Ее сопровождала горничная, которая отступила назад, когда леди Марша остановилась – похоже, весьма неохотно – и обернулась к нему:

– Да?

– Вы, верно, не узнали меня, – сказал он. – Я лорд Чедвик. Мы с вами вместе путешествовали в Дублин, на свадьбу.

В том числе совершили то незабываемое плавание по Ирландскому морю.

– Мой брат, – осмелился он сказать, – Финниан Латтимор.